

В. Г. Белинский

**О стихотворениях г.
Баратынского**

Виссарион Григорьевич Белинский

О стихотворениях г. Баратынского

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2696645*

Аннотация

«Часто думаю я о том, какое резкое отличие находится между поэзией первобытных народов и поэзией новых народов, которых религия, цивилизация, просвещение и литература образовались под разными чуждыми влияниями. Представьте себе народ, у которого еще нет ни идеи творчества, ни слова для выражения этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открыл ему эту тайну, кто навел его на эту мысль? Одна природа и больше никто...»

Виссарион Григорьевич Белинский

О стихотворениях г. Баратынского

Часто думаю я о том, какое резкое отличие находится между поэзией первобытных народов и поэзией новых народов, которых религия, цивилизация, просвещение и литература образовались под разными чуждыми влияниями. Представьте себе народ, у которого еще нет ни идеи творчества, ни слова для выражения этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открыл ему эту тайну, кто навел его на эту мысль? Одна природа и больше никто. Самое просвещение, в этом случае, дело совершенно постороннее, ибо оно только сообщает поэзии другой характер. И это очень естественно: чем бессознательнее творчество, тем оно глубже и истиннее. Поэт, который творил, не сознавая своего действия, не понимая, что он делает, – он более поэт, нежели тот, который, чувствуя вдохновение, говорит: «Хочу писать». Кто слагал наши народные песни? – Люди, которые даже и не подозревали, что есть поэзия, есть вдохновение, есть поэты, есть литература. Как слагали они свои песни? – Экспромтом, за пиршественною чашею, среди ликующего круга или, всего

чаще, в минуты тоски и уныния, когда душа просилась вон и хотела излиться или в слезах, или в звуках. Как смотрели эти гениальные люди на свои произведения? – Как на дело пустое, и, может быть, когда проходили обстоятельства, породившие их песню, когда стихали чувства и уступали полное владычество рассудку, они удивлялись, как пришла им в голову странная мысль заниматься таким вздором, и стыдились своей песни, как стыдится протрезвившийся человек дурного или смешного поступка, сделанного им в пьяном виде. Я часто мечтал об одном создании, идеал которого смутно носился в душе моей и который мне очень хотелось увидеть когда-нибудь осуществленным: мне хотелось прочесть роман или драму, в которой бы содержание было взято из русской жизни, до Петра Великого, и в которой была бы представлена борьба гения с своими порывами, для него непонятными. В самом деле, неужели в этом народе, сознававшем себя несколько столетий и занимавшем такое обширное пространство, не было своих Шекспиров, Шиллеров!.. Итак, представьте себе народ, у которого было поэтическое чувство, но которого условия жизни были совершенно противоположны поэзии жизни; которого религия покровительствовала искусству и требовала от него служения, но который в религии довольствовался одними формами, а искусство сделал ремеслом определенным и положительным, так что гений и посредственность были в нем подведены под уровень; народ, который любил временем и спеть песню, и

поплясать вприсядку, но который в то же время и пение, и пляску почитал бесовскою потехою, грехом тяжким; народ, который довольствовался скудною житейскою философиею, лениво наследованною им от праотцев и заключенное в формы пословиц и поговорок; народ, который святое чувство любви почитал дьявольским наваждением, отчитывался от него молитвами, отпрыскивался нашептанною водою; народ, который женщину – эту поэзию жизни, которую одною бывает жизнь красна, женщину сделал своей рабынею, родом домашнего животного, немного выше коровы или лошади; наконец, народ, который был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию, был похож на обледенелую массу воды, по которой тщетно скользят бледные лучи зимнего солнца. Теперь, среди этого народа, представьте себе, юношу-гения; какой контраст, какие подробности, сколько красок, какая драма, высокая и ужасная в своей простоте и карикатурности!.. Этот юноша есть единственная опора, единственная надежда престарелой матери. Какой-нибудь добрый монах учит его грамоте, чтоб он мог со временем сделаться писцом в приказе, дьяком или земскою ярыжкою. Это все одно и то же, ибо одинаково прибыльно, а русский народ смотрел всегда на судопроизводство, как на средство жить; наши мужички и теперь еще не шутя говорят: *«Он на то и алистратор, чтоб взятки брать»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.